

Бреста белорусского фольклора, декоративно-прикладного искусства белорусов [4]. С этой целью в культурном центре проходят кинопоказы, тематические настольные и ролевые игры, викторины, выставки, мастер-классы, встречи с представителями белорусской интеллигенции, танцевальные и праздничные вечера. Брестчанам предлагаются поездки по историческим местам Беларуси.

Среди ярких проектов участников этно-клуба – создание мастерской белорусской кухни на Купалье, обучение гостей изготовлению свечей из вошины и символического «богача» – традиционного оберега, символа благополучия и достатка в доме, ролевая игра «Легенды былых часоў» по мотивам белорусской мифологии, во время которой участники знакомятся со средневековой белорусской культурой.

Таким образом, рассмотрев деятельность творческих коллективов г. Бреста, в репертуаре которых значительное место занимают фольклорные композиции, можно сделать вывод, что одним из приоритетных направлений творчества этих коллективов является возрождение национальных художественных традиций. Силами научных сотрудников Художественного музея города Бреста, клубом этнокультуры «Зюзя-клуб», а также активистами культурного центра «Грунтоўня» организуются тематические мероприятия, целью которых является знакомство брестчан с традиционной белорусской культурой. Мастер-классы по средневековым и белорусским танцам, тематические ролевые и настольные игры, кинопоказы, викторины, организация бракосочетания в традиционном этно-стиле, встречи с представителями интеллигенции способствуют популяризации народной культуры среди молодежи, заинтересованности молодых людей в изучении и возрождении уникальных традиций белорусского народа.

Список литературы:

1. Алейникова, Н. В. Бресте прохадзіць Неделя музыкі для дзяцей і юнацтва / Н. Алейникова // Брестский курьер. – 2016. – 28 марта.
2. Гапеева, Т. У Брэсце ладзілі фолк-вечарыну / Т. Гапеева // Брестская газета. – 2014. – 7 августа.
3. Гапеева, Т. Традыцыйнае вяселле можна справіць у музеі / Т. Гапеева // Брестская газета. – 2014. – 6 ноября.
4. Гапеева, Т. У Брэсце ствараецца культурны цэнтр «Грунтоўня» / Т. Гапеева // Брестская газета. – 2014. – 13 ноября.
5. Жабинский, Р. Брестский музыкальный колледж: история и современность / Р. Жабинский. – Брест: Альтернатива, 2011. – 227 с.; ил.
6. Шеламова, Т. Золотой фонд «Радости». / Т. Шеламова // Вечерний Брест. – 2012. – 27 апреля.
7. Интернет-портал, посвященный белорусской культуре и искусству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.artsiadziba.by>. – Дата доступа: 11.03.2016.
8. Сайт, посвященный культуре города Бреста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulturabrest.by>. – Дата доступа: 15.03.2016.
9. Сайт УО «Брестский государственный музыкальный колледж им. Г. Ширмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mus.by>. – Дата доступа: 20.03.2016.

Елена Самойлова

ТКАНЕВЫЙ КОД ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В статье рассматриваются тканевые предметы, используемые сельскими жителями в ритуальных практиках поминания умерших. Такие предметы служат знаками памяти в цепи связующих элементов коммуникации живые-мертвые.

Elena Samoylova

FABRIC CODE OF MEMORY IN THE CONTEXT OF THE RITUAL PRACTICES OF EAST SLAVS

The fabric objects used by villagers in ritual practices of commemoration of the dead are considered in this article. Such objects are memory signs in the chain of connecting elements in communication alive-dead.

В этой статье внимание автора фокусируется на женских коммеморативных практиках, в которых важную роль играет тканевый компонент. На разных этапах исследования появлялись материалы, свидетельствующие о значении мемориальных предметов из ткани в сохранении и передаче семейных традиций. *Память, сотканная из ткани.* Для жительницы Санкт-Петербурга история рода, семьи, и даже деревенского дома, в котором ей так и не довелось побывать, воплотилась в кусочках холста, сотканных бабушкой: «Они же сами растили лен, сами обрабатывали, сами пряли, ткали <...> деревня давно заросла тайгой и дом во время пожара сгорел. Только тряпочки остались. Они – олицетворение дома, память» [7]. Жители Бабаевского, Никольского, Нюксенского районов Вологодской области до настоящего времени хранят одежду умерших. По народным представлениям, вещи умерших помогают уберечь дом и семью от возможных бедствий. В Нюксенском и Никольском районах одежду хранят на чердаке, «шчо с покойного снимут, дак под застреху <...> когда бабушка умерла, исподку туда запехнули» [3]. В Бабаевском – развешивают вещи умершего в красном углу в дни ритуальных поминок [2]. В Нюксенском районе вплоть до первой трети

прошлого века из одежды умершего могли изготавливать антропоморфные фигурки, которые хранили в память об умершем [8].

Женщины сохраняют одежду (ткань), связывающую их с близкими и родными, потому что «в ней память» [10, с. 173]. В Пинежском районе Архангельской области сохраняется традиция *тканевых завещаний* «Полотенца свадебные всю жизнь хранили, а одно перед смертью обязательно “завечали”. “Вот, Дуняшка, тебе полотенце. Как умру, понесешь на нем икону, а потом себе его возьмешь”» [10, с. 25]. Женщины «*ткнут память*», передают память дочерям и внукам «Тку “память дочерям” [полотенца – Е.С.]. Умру, дак пусть помнят» [10, с. 39].

Предмет. Память. Воспоминание. Рассматриваемые предметы (ткань, полотенца, одежда) представляют вещественные формы и являются внешними символами семейной или индивидуальной памяти. Особый интерес вызывают предметные проекции коллективной памяти, в которых использование текстиля составляет непереносимое условие совершения ритуала. В Суражском районе Брянской области предметы из ткани, такие как скатерти и полотенца, до настоящего времени считаются обязательным атрибутом ритуальных поминок, совершаемых на Радуницу. Скатерти и полотенца, размещаемые женщинами на могилах родных и знакомых, – особые знаки памяти.

На Радуницу жители сел Суражского района собираются на местных кладбищах, чтобы помянуть родных и близких: зажигают свечи, катают яйца, оставляют угощение, устраивают поминальные обеды. Отличительным признаком ритуальных поминок можно считать обычай украшения мест захоронения предметами из текстиля. Женщины привязывают к могильным крестам полотенца, украшенные вышивкой, а могилы покрывают тканями или вышитыми скатертями, на них же устраивают поминальный обед [9].

Структура ритуала. Формульным выражением последовательности основных структурных компонентов ритуальных поминок может служить местная поговорка «Утром пашут, днем плачут, вечером скачут» [4]. С раннего утра хозяйки завершают необходимые приготовления к поминкам, как правило, связанные с приготовлением ритуальных угощений (пасха, крашеные яйца, домашняя колбаса и т.п.). Мужчины могут быть заняты распахой, севом или другими сельскохозяйственными работами. К десяти-одиннадцати утра сельские жители собираются на кладбище, чтобы успеть до полудня украсить могилки родных. С полудня начинается время поминальных обедов, если погода позволяет, общение может продлиться до позднего вечера, потом собирают с могилок полотенца и скатерти, укладывают в корзины остатки поминального обеда. Еще в 1970-80-е гг. сохранялась традиция вечерних уличных гуляний с песнями и пляской под гармонь, но в настоящее время такие собрания – редкость.

Подготовительный период. Для женщин подготовка к Радунице начинается задолго до самого праздника. К основным видам работ можно отнести стирку, глажку, реставрацию, распределение и упаковку скатертей и полотенец, хранящихся в значительном объеме у каждой хозяйки (на кладбище некоторые хозяйки приносят не один десяток скатертей, количество предметов определяется по числу захоронений родственников, друзей, соседей, за которыми присматривает семья).

Тканевое имущество. Знания в области изготовления женских рукоделий девочки наследуют по материнской линии (от старших женщин к младшим). Тканевое имущество перемещается по двум родственным веткам: из рода матери и рода свекрови. Наследование тканевых предметов от свекрови во многом объясняется тем, что после ее смерти именно невестка становится распорядительницей весенних поминок.

Тканевый код памяти. Я. Ассман отмечает метонимическую связь (память – метоним) между объектом напоминания и памятью-воспоминанием [11, с. 111]. Вещи, сотканые и вышитые мамой, бабушкой, тетей или свекровью, представляют объективированную форму индивидуальной или семейной памяти. Возникает вопрос, каким образом происходит *перекодировка предметных проекций семейной памяти в овеществленные формы коллективной памяти*? Рассмотрим основные принципы распределения тканевых предметов на Радуницу.

Поминки по родам. По сохраняющемуся обычаю, изделия, унаследованные от матери, а также собственные рукоделия, предназначаются для украшения мест захоронения кровных родственников женщины. Скатерти и полотенца, полученные от свекрови, в день поминовения размещают на могилах родственников мужа (по линиям свойства). На Радуницу (при наличии транспорта) семья успевает посетить несколько кладбищ, если же нет, то супруги вынуждены разделиться и поминать отдельно (на разных кладбищах).

Старое – старым. Могилки стариков (бабушек, дедушек, прабабушек) обычно покрывают домоткаными скатертями «на стариков на давнишних всё полотняные» [5]. Нередко скатерть рукодельницы оказывается на ее могиле.

Лучшие. Лучшие скатерти и полотенца – богато украшенные вышивкой размещают на родительских могилах, на захоронениях близких женщин: матери – «мама родная, лучшую – ей» [6], тети, сестры.

Аксиома ритуала. Каждая могила должна быть покрыта. Непокрытые могилы – лакуны семейной и коллективной памяти, знаки небытия. В 2015 г. мне удалось посетить три сельских кладбища в д. Костеничи и с. Лопазна, непокрытые могилки – редкость.

Скатерти и полотенца, используемые в ритуале, приобретают значение ритуальных предметов и «высший семиотический статус» [1]. Они исключаются из обихода и практик дарообмена, передвижение предметов ограничивается перемещением по родственному кругу, что позволяет отнести их к недвижимому имуществу семьи и собственности группы, в целом.

Включение тканевых предметов в ритуал связано с разработанной женщинами системой социального кодирования: фиксируется кодировка социальных отношений (родство/свойство, степень, колена родства/свойства, близость/дистанцированность поминающего и поминаемого). Женщины используют язык символов для выражения чувств: привязанности и отчуждения, признательности и личных симпатий. Общие принципы символического кодирования, фиксируемые в женской культурной традиции д. Костеничи и с. Лопазна, позволяют использовать программу перекодировки предметов из тканевого реликвария семьи. В ритуале происходит трансформация: в ряде случаев метонимическая связь (предмет – человек) замещается символической, и знаки семейной памяти перекодируются в знаки коллективной памяти группы. Освящение тканевых предметов на захоронениях предков способствует упрочению статуса мастериц и декларации вклада и роли женщин в развитии социокультурных отношений и экономики исследуемой группы.

Список литературы:

1. Байбурин, А. К. Семиотический статус вещей и мифология / А. К. Байбурин // Кунсткамера (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН) : избр. ст. – СПб., 1995. – С. 92.
2. Личный архив автора (далее ЛА) / инф.: Тришкин В. Н., ок. 40 л., Тришкина М. С., ок. 80 л. Вологод. обл., Бабаевский р-н, д. Красная гора, 2011.
3. Полевые материалы автора (далее ПМА) // Архив Фольклорно- этнографического центра им. А. М. Мехнецова, основной аудиофонд (далее, АФЭЦ ОАФ): 0577, Инф.: О. А. Коншин, ок. 40 л., Вологод. обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, 2009.
4. ПМА / инф.: А. И. Туйманова, ок. 50 л., г. Сураж, Суражский район Брянской области, 2015.
5. ПМА / инф.: ж., ок. 70 л., д. Костенчи, Сураж. р-н, Брянск., обл., 2015.
6. ПМА / инф.: ж., ок. 80 л., д. Костенчи, Сураж. р-н, Брянск., обл., 2015
7. ПМА / инф.: мастер по народной кукле, ж. ок. 45 л., Санкт-Петербург, 2009.
8. Самойлова, Е. Антропоморфные фигуры в контексте похоронно-поминальной обрядности севернорусской деревни / Е. Самойлова // Фольклор и этнография : к 90-летию со дня рождения К. В. Чистова : сб. ст. / отв. ред. А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. – СПб., 2011. – С. 251 – 268.
9. Самойлова, Е. В. «Всё накрывается, всё вспоминается...». Радунца: женские коммеморативные практики в сельской культурной традиции / Е. В. Самойлова // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем : сб. ст. и тез. (Междунар. науч. конф., Липецк, 24–26 сент. 2015 г.). – Тамбов: ТГМПИ, 2015. – С. 335 – 339.
10. Филева, Н. А. Рассказывают мастера : из материалов экспедиций по Архангельской области в 70-80-е гг. XX в. : с фотографиями, комментариями и дополнениями автора / Н. А. Филева. – Архангельск : ПГУ, 2014. – 220 с.
11. Assmann, J. Communicative and cultural memory / J. Assmann // A companion to cultural memory studies. – Berlin; New York : Eds. A. Erl, A. Nünning, 2010. – 240 p.

Лю Янь

АРХЕТИП ОГНЯ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

В статье проанализированы примеры из этиологических традиционных текстов, согласно которым по мифологическим представлениям предков белорусов и китайцев стихией, участвовавшей в создании мира из первозданного хаоса, был огонь.

Liu Yan

THE ARCHETYPE OF FIRE IN THE CONTEXT OF BELARUS AND CHINESE MYTHOLOGY

The article analyzes the examples of etiological traditional texts, according to which we can judge that on the mythological ideas of the Chinese and Belarusians ancestors the element involved in the creation of the world from primordial chaos was fire.

Исторический генезис культуры всех исчезнувших и ныне существующих земных цивилизаций начинался с такой первоначальной формы мировоззрения, духовной культуры, как мифология. Миф являлся отражением явлений природы, борьбы с природой и зеркалом социальной жизни в широких художественных обобщениях. В основе мифа лежала реальная жизнь, а отнюдь не вымыслы, возникшие в воображении людей. «В первобытном обществе, отмечал Елеазар Мелетинский, мифология представляла основной способ понимания мира, а миф выражал мироощущение и миропонимание эпохи его создания» [2, с. 812]. Вопросы происхождения Вселенной, Земли, Неба, растительного, животного мира и человека занимали важнейшее место в мифологиях белорусского и китайского этносов. Реконструкция фрагментов космогонических мифов свидетельствует, что одним из наиболее сложных образов и понятий в белорусской и китайской мифологии является Хаос, из которого возникло все сущее. Первоначальной стихией, участвовавшей в создании мира из хаоса, согласно мифологическим представлениям предков белорусов и китайцев, был огонь.